

КУЛЬТУРА И ПРИРОДА.

УЧЕНИЕ О НООСФЕРЕ В.И. ВЕРНАДСКОГО;

ЭКОЛОГИЧЕСКОЕ СОЗНАНИЕ ВОСТОКА И ЗАПАДА;

СООТНОШЕНИЕ ПРИРОДНОГО И ВНЕПРИРОДНОГО В ЧЕЛОВЕКЕ;

ВЗАИМООТНОШЕНИЕ ПОЛОВ КАК ПРОБЛЕМА КУЛЬТУРОЛОГИИ.

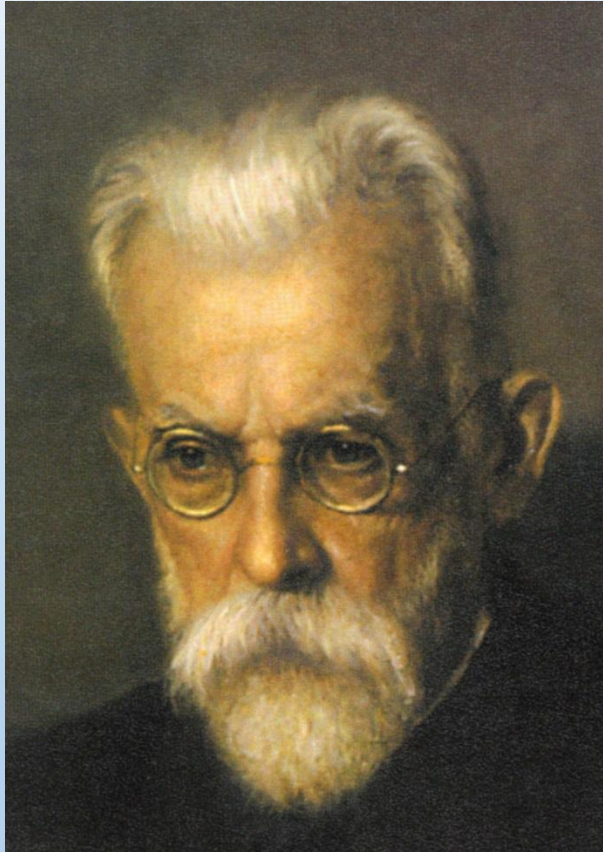
СОДЕРЖАНИЕ

1. КУЛЬТУРА И ПРИРОДА.
2. УЧЕНИЕ О НООСФЕРЕ В.И. ВЕРНАДСКОГО
 - КРАТКАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА НООСФЕРЫ
 - УСЛОВИЯ СТАНОВЛЕНИЯ И СУЩЕСТВОВАНИЯ НООСФЕРЫ
 - НАУКА КАК ОСНОВНОЙ ФАКТОР НООСФЕРЫ
 - ЗАДАЧИ ПО СОЗДАНИЮ НООСФЕРЫ
3. ЭКОЛОГИЧЕСКОЕ СОЗНАНИЕ ВОСТОКА И ЗАПАДА
4. СООТНОШЕНИЕ ПРИРОДНОГО И ВНЕПРИРОДНОГО В ЧЕЛОВЕКЕ.
5. ВЗАИМООТНОШЕНИЕ ПОЛОВ КАК ПРОБЛЕМА КУЛЬТУРОЛОГИИ.

УЧЕНИЕ О НООСФЕРЕ В.И. ВЕРНАДСКОГО

Что же такое ноосфера? Этот термин ввели французские ученые Э. Леруа П.Тейяр де Шарден в 1927 году, дав ей определение как «сфера разума». Но наш русский ученый В.И.Вернадский развил представления о ноосфере, как о качественно новой форме организованности, возникающей при взаимодействии природы и общества, в результате преобразующей мир творческой деятельности человека, опирающейся на научную мысль. Вернадский стал первым исследовать жизнь как единое целое, как геологически своеобразное живое вещество, характеризующееся весом, химическим составом, энергией и геохимической активностью. Ученый подчеркивал, что за геологическую историю организмы, по-видимому, осваивали новые области планеты, приспособляясь к многообразным природным условиям, участвуя в их изменении. Он первым из ученых понял, что мы всецело принадлежим биосфере - и телом, и духовной жизнью, прошлым и будущим, став органом ее самопознания и преобразования. Шаг за шагом исследуя геохимические и биогеохимические процессы, Вернадский подходит к коренным проблемам энергетики и термодинамики взаимодействия живого и неживого вещества планеты и далее, углубляясь в биологическую роль человечества, сознания, трудовой деятельности, обращается к естественно - историческим закономерностям социально – экономического развития общества. Вернадский рассматривал биосферу как особое геологическое тело, строение и функции которого определяются особенностями Земли и Космоса. А живые организмы, популяции, виды и все живое вещество - это формы, уровни организации биосферы.

КРАТКАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА НООСФЕРЫ

Учение о ноосфере возникло в рамках космизма – философского учения о неразрывном единстве человека и космоса, человека и Вселенной, о регулируемой эволюции мира. Понятие ноосферы как обтекающей земной шар идеальной, «мыслящей» оболочки, формирование которой связано с возникновением и развитием человеческого сознания, ввели в оборот в начале XX века французские ученые П.Тейяр де Шарден и Э. Лерц. Заслуга В. И. Вернадского заключается в том, что он дал этому термину новое, материалистическое содержание. И сегодня под ноосферой мы понимаем высшую стадию биосферы, связанную с возникновением и развитием человечества, которое, познавая законы природы и совершенствуя технику, начинает оказывать определяющее влияние на ход процессов на Земле и в околоземном пространстве, изменяя их своей деятельностью.

В работах В.И. Вернадского можно встретить разные определения и представления о ноосфере, которые менялись на протяжении жизни ученого. В.И. Вернадский начал развивать данную концепцию с начала 30-х годов после разработки учения о биосфере. Осознавая огромную роль и значение человека в жизни и преобразовании планеты, русский ученый употреблял понятие «ноосфера» в разных смыслах:

- как состояние планеты, когда человек становится крупнейшей преобразующей геологической силой;
- как область активного проявления научной мысли как главного фактора перестройки и изменения биосферы.

КРАТКАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА НООСФЕРЫ

Ноосферу можно охарактеризовать как единство «природы» и «культуры». Сам Вернадский говорил о ней то, как о реальности будущего, то, как о действительности наших дней, что неудивительно, поскольку он мыслил масштабами геологического времени. Биосфера не раз переходила в новое эволюционное состояние — отмечает В. И. Вернадский. В ней возникали новые геологические проявления, раньше не бывшие. Это было, например, в кембрии, когда появились крупные организмы с кальциевыми скелетами, или в третичное время (может быть, конец мелового), 15-80 млн лет назад, когда создавались наши леса и степи и развилась жизнь крупных млекопитающих. Это переживаем мы и сейчас, за последние 10-20 тысяч лет, когда человек, выработав в социальной среде научную мысль, создает в биосфере новую геологическую силу, в ней не бывшую. Биосфера перешла или, вернее, переходит в новое эволюционное состояние - в ноосферу - перерабатывается научной мыслью социального человечества». Таким образом, понятие «ноосфера» предстаёт в двух аспектах:

1. ноосфера в стадии становления, развивающаяся стихийно с момента появления человека;
2. ноосфера развитая, сознательно формируемая совместными усилиями людей в интересах всестороннего развития всего человечества и каждого отдельного человека.

По мнению В.И. Вернадского, ноосфера только-только создается, возникает в результате реального, вещественного преобразования человеком геологии Земли усилиями мысли и труда.

Условия становления и существования ноосферы

Проследив развитие биосферы, обретающее геологическую мощь в результате воздействия человека на биосферу, В.И. Вернадский формирует учение о ноосфере как особом периоде в развитии планеты и окружающего космического пространства. Становление ноосферы определяется социально-природной деятельностью человека, его трудом и знаниями, т.е. тем, что относится к космопланетарному измерению человека.

Ноосфера – это новое, эволюционное состояние биосферы, при котором разумная деятельность человека становится, решающим фактором ее развития. В.И. Вернадский был убежден, в том, что наша планета вступает в новую стадию своего развития, на которой определяющую роль будет играть человек разумный как сила невиданного масштаба. Гигантская геологическая деятельность человечества выражается в том, что сейчас нет такого быстротекущего геологического процесса, с которым можно было бы сравнить мощь человечества, вооруженного огромным арсеналом всяческих воздействий на природу, в том числе и фантастических, по мощности разрушительных сил. В.И. Вернадский указал ряд условий, необходимых для становления и существования ноосферы.

1. Заселение и обживание людьми целой планеты. «Этот процесс - полного заселения биосферы человеком - обусловлен ходом истории научной мысли, неразрывно связан со скоростью сношений, с успехами техники передвижения, с возможностью мгновенной передачи мысли, ее одновременного обсуждения всюду на планете». Это условие выполнимо, так как на Земле не осталось места, не подвергавшегося в какой-то степени воздействию человека.
2. Усиление связей между всеми государствами Земли. «Благодаря успехам связи, человек может быть неотрывно в сношениях со всем миром, нигде не может быть одиноким и потеряться беспомощно в грандиозности земной природы». Это условие также выполняется. ООН и другие международные организации еще не обеспечили единства человечества во всех вопросах, но их деятельность значительно способствовала сближению взглядов народов разных стран.

Условия становления и существования ноосферы

3. Резкое преобразование средств связи и облика между странами. Для передачи информации применяются радио, телевидение, факсы, скоростная авиация, радиотелефоны, сотовая связь, электронная почта, сеть «Интернет» и т.д. Средства связи постоянно развиваются и совершенствуются.

4. Преобладание геологической роли человека над другими геологическими процессами, протекающими в биосфере. «Одновременно с полным охватом человеком поверхности биосферы - полного им ее заселения, - тесно связанным с успехами научной мысли, т. е. с ее ходом во времени, в геологии создано научное обобщение, которое научно вскрывает по-новому характер переживаемого человечеством момента его истории. По-новому вылилась в понимании геологов геологическая роль человечества. Правда, сознание геологического значения его социальной жизни в менее ясной форме высказывалось в истории научной мысли давно, много раньше. Но в начале нашего столетия независимо Ч. Шухерт и А.П. Павлов учли геологически, по-новому, давно известное изменение, какое появление цивилизации человека вносит в окружающую природу, в Лик Земли. Они сочли возможным принять такое проявление *Homo sapiens* за основу для выделения новой геологической эры, наравне с тектоническими и орогеническими данными, которыми обычно такие деления определяются. Они правильно пытались на этом основании разделить плейстоценовую эру, определив ее конец началом выявления человека (последнюю сотню-другую тысяч лет - примерно несколько декамириад назад) и выделить в особую геологическую эру - психозойную, по Шухерту, антропогенную - по А.П. Павлову». Это условие выполнено в связи с тем, что человечество стало мощным геологическим фактором, влияющим на все процессы, протекающие в биосфере.

Условия становления и существования ноосферы

5. Расширение пределов биосферы, изучение космического пространства и выход в космос.

«Человек живет в биосфере, от нее неотделим. Он только ее может непосредственно исследовать всеми своими органами чувств - может ее ощущать - ее и ее объекты. За пределы биосферы он может проникать только построениями разума, исходя из немногих относительно категорий бесчисленных фактов, которые он может получить в биосфере зрительным исследованием небесного свода и изучением в биосфере же отражений космических излучений или попадающего в биосферу космического внеземного вещества. Очевидно, научное знание Космоса, только так могущее быть полученным, по разнообразию, и по глубине охвата не может быть даже сравниваемо с теми научными проблемами и охватываемыми ими научными дисциплинами, которые отвечают объектам биосферы и их научному познанию».

Это условие выполнено.

6. Открытие новейших источников энергии.

«Мы должны сейчас сказать более просто, что источник энергии, который захватывается разумом в энергетическую эпоху жизни человечества, в которую мы вступаем, - практически безграничен».

Это условие также выполнено. Открыта и используется энергия атомного распада. Ведутся исследования по получению энергии управляемого термоядерного синтеза.

7. Равноправие людей всех рас и религий.

Это условие еще не достигнуто. Но после второй мировой войны произошло разрушение колониальной системы. Почти во всех странах люди разных вероисповеданий равноправны.

Условия становления и существования ноосферы

8. Усиление значения народа и его мнения в решении политических проблем. Это условие также еще не достигнуто.
 9. Свобода научной мысли от давления религиозных и политических настроений. В большинстве развитых стран наука свободна от такого давления.
 10. Подъем благосостояния трудящихся. Создание реальной возможности не допустить недоедания, голода, нищеты и ослабление влияния болезней. Это условия еще не достигнуто.
 11. Разумное преобразование и использование первичной природы нашей планеты. Это условие нельзя считать выполненным.
 12. Недопущение войн и насилия. «Нигде не видим мы какого-нибудь ослабления научного движения среди войн, истребления, гибели людей от убийств и болезней. Все эти потери быстро возмещаются мощным подъемом реально осуществляемых достижений науки и ею охваченной организованности государственной власти и техники».
- Это условие еще не выполнено. Ноосфера – это еще достаточно дисгармоничная, находящаяся в состоянии становления реальность. Мировоззренческий смысл понятия ноосферы состоит в том, что человек своей деятельностью должен продолжить логику развития органического мира, но на качественно новом уровне

Наука как основной фактор ноосферы

Несколько необычен подход Вернадского к науке. Он ее рассматривал как геологическую и историческую силу, изменяющую биосферу и жизнь человечества. Она является тем основным звеном, посредством которого углубляется единство биосферы и человечества.

Особое место Вернадский отводит науке XX столетия. Именно в это время наблюдается ее небывалый расцвет, своего рода взрыв научного творчества. Наука становится вселенской, мировой наукой, охватывающей всю планету.

Вернадский обращал большое внимание на гуманистическое содержание науки, на ее роль в решении задач человечества, на ответственность ученых за применение научных открытий. Эти и многие другие идеи Вернадского о роли науки в развитии человечества, в переходе биосферы в ноосферу имеют актуальное значение для нашего времени.

Как уже указывалось, Вернадский рассматривал науку в качестве средства развития человечества. Поэтому очень важно, чтобы наука не принимала форму абстрактной, имеющей свое независимое существование сущности. Наука – создание человечества и должна служить на благо человечества. «Ее содержание не ограничивается научными теориями, гипотезами, моделями, создаваемой ими картиной мира: в основе она главным образом состоит из научных факторов и их эмпирических обобщений, и главным — живым содержанием является в ней научная работа живых людей...» Так что наука – социальное всечеловеческое образование, в основе которых лежит сила фактов, обобщений и, конечно, человеческого разума.

Мы наблюдаем, как наука все сильнее и глубже начинает изменять биосферу Земли, она меняет условия жизни, геологические процессы, энергетику планеты. Значит, и сама научная мысль является природным явлением. В переживаемый нами момент создания новой геологической силы, научной мысли, резко возрастает влияние живого вещества в эволюции биосферы. Биосфера, перерабатываясь научной мыслью Homo Sapiens, переходит в свое новое состояние – в ноосферу.

Наука как основной фактор ноосферы

История всей научной мысли – суть история создания в биосфере новой геологической силы – научной мысли, ранее отсутствующей. И этот процесс не случаен, он закономерен как всякое природное явление. «Биосфера XX столетия превращается в ноосферу, создаваемую, прежде всего ростом науки, научного понимания и основанного на ней социального труда человечества». Необходимо подчеркнуть неразрывную связь создания ноосферы с ростом научной мысли, являющейся первой необходимой предпосылкой этого создания.

Ноосфера может создаваться только при этом условии.

Значение происходящих на планете в XX веке изменений настолько велико, что равные по роли процессы можно найти разве только в далеком прошлом. В настоящий момент вряд ли возможно оценить всю научную и социальную важность этого явления, потому что научно понять – значит поставить явление в рамки реальной космической реальности. Но, то, что мы можем увидеть – это то, что наука перестраивается на наших глазах. Биогенный эффект работы научной мысли реально смогут увидеть только наши отдаленные потомки: он проявится ярко и ясно только через сотни лет.

Появление разума и результата его деятельности – организация науки – важнейший факт в развитии планеты, возможно даже превышающий все, наблюдаемое до настоящего времени. Научная деятельность сейчас приобрела такие черты, как быстрый темп, охват больших территорий, глубину исследований, мощность проводимых преобразований. Это позволяет предвидеть научное движение, размаха которого в биосфере еще не было.

Но еще более резкое изменение происходит сейчас в основной методике науки. Здесь вследствие вновь открытых областей научных фактов вызвали одновременное изменение самых основ нашего научного познания, понимания окружающего. Такими совершенно неожиданными и новыми основными следствиями новых областей научных фактов являются вскрывшиеся перед нами неоднородность Космоса, всей реальности и неоднородность нашего познания.

Наука как основной фактор ноосферы

Вернадский писал, что сейчас надо различать три реальности: реальность в области жизни человека, то есть наблюдаемую реальность; микроскопическую реальность атомных явлений, не наблюдаемую человеческим глазом; реальность в глобальном космическом масштабе. «Различение трех реальностей имеет неоценимое значение как для понимания связи человечества с биосферой, так и для анализа закономерностей развития науки».

Человек неотделим от биосферы, он в ней живет и только ее, и ее объекты может исследовать непосредственно своими органами чувств. «За пределы биосферы он может проникать только построениями разума, исходя из относительно немногих категорий бесчисленных фактов, которые он может получить в биосфере зрительным исследованием небесного свода и изучением в биосфере же отражений космических излучений или попадающего в биосферу космического внеземного вещества...» Таким образом, научная мысль человечества, работая только в биосфере, в ходе своего проявления, в конце концов, превращает ее в ноосферу, геологически охватывает ее разумом. Только теперь стало возможным научное выделение биосферы, являющейся основной областью знания, из окружающей реальности.

Из всего вышесказанного можно сделать следующие выводы:

1. Научное творчество человека – сила, изменяющая биосферу.
2. Это изменение биосферы – неизбежный процесс, сопровождающий научный рост.
3. Но это изменение биосферы – стихийный природный процесс, происходящий независимо от человеческой воли.
4. Вхождение в биосферу нового фактора ее изменения – человеческого разума есть природный процесс перехода биосферы в ноосферу.
5. Постоянно совершенствуясь, наука может продвинуться все дальше в изучении окружающей среды.

Возникновение геохимии и биогеохимии отвечало потребностям целостного, синтетического рассмотрения явлений организованности биосферы, взаимосвязей живого и косного вещества. Эти науки имеют также первостепенное значение для исследования единства биосферы и человечества. Тем самым геохимия и биогеохимия соединяют науки о природе с науками, о человеке. Центром такой интегрированной науки, по мнению Вернадского, является учение о биосфере.

В современных условиях задачей первостепенной важности является возрождение идей биосферного естествознания, продолжение научной разработки проблем биогеохимии.

Задачи по созданию ноосферы

Процесс перехода биосферы в ноосферу неизбежно несет в себе черты сознательности, целеустремленной деятельности, творческой работы. Вернадский видел стоящие перед человечеством задачи огромной важности по созиданию ноосферы. С позиций этих задач он отмечал беспочвенность суждений о возможности крушения цивилизации. Рассмотрим перспективы развития человечества с точки зрения Вернадского.

Нерушимость цивилизации Вернадский обосновывает следующими тезисами:

1. Человечество стоит на пути создания в ноосферной оболочки Земли, все больше укрепляя свои связи с биосферой. Человечество становится Вселенской категорией.
2. Человечество в своем развитии стало единым целым благодаря тому, что интересы всех, а не отдельных лиц, становятся государственной задачей.
3. Глобальные проблемы человечества, такие как сознательное регулирование размножения, продление жизни, победа над болезнями, начинают решаться.
4. Ставится задача распространения научного знания на все человечество.

Вернадский писал: «Такой совокупности общечеловеческих действий и идей никогда раньше не бывало, и ясно, что остановлено это движение быть не может. В частности, перед учеными стоят для ближайшего будущего небывалые для них задачи сознательного направления организованности ноосферы, отойти от которой они не могут, так как к этому направляет их стихийный ход роста научного знания».

Уверенность в будущем, таким образом, основана на возрастающем значении в развитии человечества совместных общечеловеческих действий. Вернадский, конечно, не мог предвидеть современной остроты глобальных проблем мирового развития. Но и они лишь усиливают значение совместного решения задач сознательного направления организованности ноосферы.

Задачи по созданию ноосферы

Одной из важнейших проблем формирования организованности ноосферы является вопрос о месте и роли науки в жизни общества, о влиянии государства на развитие научных исследований.

Вернадский высказывался за образование единой (на государственном уровне) научной человеческой мысли, которая являлась бы решающим фактором в ноосфере, и создавало бы для ближайших поколений лучшие условия жизни. Первоочередные вопросы, которые необходимо решить на этом пути, это – «вопрос о плановой, единообразной деятельности для овладения природой и правильного распределения богатств, связанный с сознанием единства и равенства всех людей, единства ноосферы» идея о государственном объединении усилий человечества.

Поражает созвучность идей Вернадского нашему времени. Постановка задач сознательного регулирования процесса созидания ноосферы чрезвычайно актуальна для сегодняшнего дня. К этим задачам Вернадский также относил искоренение войн из жизни человечества. Он большое внимание уделял решению задач демократических форм организации научной работы, образования, распространения знаний среди народных масс.

5. Техносфера и ноосфера

Техносфера, взаимодействие общества и природы, экосистема, НТР – суть различные наименования или, если угодно, синонимы того объекта, с которым отождествляется ноосфера Вернадского.

Должно быть очевидным, что в свою ноосферу, как будущую обитель знания, Вернадский не мог допустить техносферу, где знания выступают против сознания, и самым активным протестантом здесь заявляется *Homo sapiens faber* – хозяин ноосферы, по Вернадскому. Степень отпора Вернадского можно определить, если сравнить новаторские пропорции знания Вернадского с тем пониманием биосферы, какое наличествует в казённой геологии и какое приспособлено к требованиям современной, порождающей экологический катаклизм, техносферы.

Задачи по созданию ноосферы

К сфере техники можно отнести не только использование, но и само производство научно-технических знаний, т.е. современная техника неразрывно связана с развитием науки. Техника включается в самостоятельную сферу жизнедеятельности, а именно в техносферу. «Под техносферой понимается исторически обусловленная, сознательно формируемая, поддерживаемая и совершенствуемая система отношений между человеком и природой, человеком и техникой, человеком и человеком на основе определенного технического миропонимания». В.И.Вернадский верил, что человеческий разум, превращаясь в планетарную геологическую силу, приведет к упорядочению природной и социальной действительности, к более совершенным формам бытия. Как результат планомерного, сознательного преобразования биосферы, ее перехода в качественно новое состояние возникнет ноосфера. Ноосфера связана с техносферой, так же как разум связан с техникой, потому что разум есть потенциальная техника, а техника есть актуальный разум.

Основное влияние мысли человека как геологического фактора выявляется в научном ее проявлении: оно главным образом строит и направляет техническую работу человечества, переделывающую биосферу.

«...С ростом приложения научного знания к жизни, к технике, к медицине, к государственной работе создаются в еще большем числе, чем в новых областях науки, новые прикладные науки, появляется новая методика и до чрезвычайности [быстро] создаются новые приложения и выдвигаются новые проблемы и задания техники в широком ее понимании, тратятся государственные средства в небывалых раньше размерах, на прикладную хотя, но научную по существу работу».

Экологическое сознание востока и запада

Хотя единство "природного" и "человеческого" миров, ноосферы и биосферы в нашу эпоху ни у кого не вызывает сомнения, существуют, однако, довольно заметные различия в понимании того, какими могут или должны быть отношения человека с окружающей его вселенной. Чисто логически и фактически здесь возможны три варианта: во-первых, признание людьми первородства и абсолютного могущества природы, а следовательно, и их подчиненности природным стихиям; во-вторых, претензии человека на роль "венца творения", потребителя и "пользователя" дарованным ему миром; и, наконец, в-третьих, признание того все более очевидного факта, что все мы, мыслящие существа, лишь один из многих - и отнюдь не лучших! - образцов вездесущей и многоликой "живой материи", имеющей некий абсолютный надчеловеческий и, если хотите, "божественный" смысл.

Совершенно очевидно, что мироощущение, связанное с первым вариантом, было уделом наших далеких пращуров, живших на грани дикости и только-только зарождавшихся религии и культуры.

Что же касается второго и третьего типов отношения человека к природе, также связанных с развитием религиозного сознания, то их основные очаги возникли и развивались на разных концах известного древним "цивилизованного" мира: один - в Средиземноморье и Европе, другой - в Азии. И можно подозревать, что произошло это не в последнюю очередь в силу особых природно-климатических и экономических условий. Там, где естественная среда более "бескомпромиссна" по отношению к человеку, он охотнее признает ее "авторитет".

Восточный тип мировосприятия превосходит западный в своеобразном "уважении" к окружающей вселенной и заметнее ориентирован на "равноправие" и гармонию между человеком и природой. Разница между двумя типами экологического сознания обусловлена глубокими различиями в самом характере веры, лежащей в основе двух цивилизаций: первое восходит к христианству, второе - к многочисленным восточным религиям (буддизм, индуизм, конфуцианство, даосизм и др

Экологическое сознание востока и запада

Главное отличие основных восточных религий (за исключением ислама) от христианства и его разновидностей заключается в том, что у первых отсутствует фигура единого и всемогущего "Бога" как творца и "хозяина" природы. По сравнению с Христом, а тем более с Аллахом, Будда, например, совсем не "Господь", не "Создатель" и не "Всесильный", а так же смертен, как и люди, и выглядит этаким просветленным мудрецом-либералом, любвеобильным защитником всего живого. Нехарактерны для восточной религиозной мифологии и такие "командно-административные" понятия, как "Страшный суд", "ад", "всемирный потоп", "Второе пришествие" и т.п.

Именно поэтому некоторые ученые и предложили делить мировые религии на так называемые "гуманистические", к которым относится большинство религий Востока, и "авторитарные", представленные христианством и его разновидностями.

На основе подобного, впрочем не бесспорного, деления уже в наши дни против христианства было выдвинуто тяжелое историческое обвинение, связанное не только с нынешней экологической, но и демографической ситуацией. Ведь, по Библии, Бог создал людей с достаточно определенной целью: "...и да владычествуют они над рыбами морскими; и над птицами небесными, и над скотом, и над всей землею, и над всеми гадами, пресмыкающимися по земле" (Быт. 1.26). Тот же Бог далее рекомендовал: "Плодитесь и размножайтесь, и наполняйте землю, и обладайте ею" (Быт. 1.28). По этому поводу известный шведский антрополог и этнограф Ян Линдبلاد (1932-1987), имея в виду прежде всего цивилизацию Запада, саркастически замечает: "Грандиозная задача - и современный человек справляется с ней ни-сколько не хуже, чем козел, которого поставили сторожить капусту".

Опираясь на приведенные цитаты из Ветхого Завета, некоторые ученые (Линн Уайт-мл. и др.) поставили вопрос об "исторических корнях" современного экологического кризиса, характерного главным образом для стран Запада и Америки. Было высказано предположение, что в конечном счете он порожден общей антиэкологической и "антропоцентрической" догматикой христианства

Экологическое сознание востока и запада

Под ее влиянием отношение европейцев к природе якобы уже с раннего западного средневековья грешило определенным высокомерием и стремлением извлечь из нее максимальную пользу. Человек, обитавший в то время в Европе, искал не единства с природой, а грубого обладания ею. После того как здесь воцарилось христианство вместо языческого уважения к духам, населявшим леса, горы, степи, водные пространства, западная религия провозгласила психологическую возможность чисто потребительского подхода ко всему живому. В самом общем виде христианское отношение к природе характеризовалось при этом так: "Что безусловно доказано, так это то, что христианство привнесло в человеческую культуру свое отношение к природе: она - источник ресурсов, а не объект созерцания, человек имеет право использовать ее как ему угодно, она не является священной, и отношение человека к ней регулируется моральными принципами". Большую роль в "десакрализации", т.е. обезбоживании, природы и обосновании чисто потребительского отношения к ней сыграл выдающийся английский философ и государственный деятель Френсис Бэкон, которого можно считать отдаленным провозвестником и идейным вдохновителем будущего научно-технического прогресса. Философия Бэкона, доведенная до ее практического воплощения нынешними энтузиастами научно-технической революции, легла в основу многих экологических бед христианского Запада. Как бы ни относиться к таким обвинениям против христианства, сама его история и более внимательное изучение Библии позволили другим исследователям оспаривать подобную точку зрения, особенно применительно к русскому православию. Благодаря его связи с ранне-земледельческой религией, в нем по сравнению с католицизмом и протестантством с особой силой проявляется идея благословения Богом любой твари, всего живого.

Экологическое сознание востока и запада

Принцип "святости твари" является одним из основных для верующего русского человека и важнейшим элементом его нравственности. В России, например, религиозный мыслитель и выдающийся ученый П.А. Флоренский, словно предвосхищая сегодняшние нападки на христианскую веру со стороны защитников всего живого, еще в 1914 г. посвятил этому вопросу целую главу под названием "Тварь" в своем фундаментальном богословском труде "Столп и утверждение истины". Опираясь опять-таки на цитаты из Библии, он писал: "... замечательно совершенное тождество Божьего завета с человеческой и прочей тварью. Это не два различных завета, это один завет со всем миром, рассматриваемым как единое существо, возглавляемое человеком...". "Только в христианстве тварь получила свое религиозное значение, только с христианством явилось место для "чувства природы", для любви к человеку и вытекающей отсюда науки о твари".

В качестве доказательства приверженности христианства идее если не равноправия, то, по меньшей мере, единства и солидарности человека и природы, приводятся достаточно многочисленные имена святых, богословов и ученых-христиан, ставших подлинными подвижниками экологической мысли и действия. Из них всякий образованный человек должен знать по крайней мере двух: одного - представляющего уже канонизированное прошлое религии; другого - почти нашего современника, внесшего огромный вклад в общечеловеческую культуру. Это Франциск Ассизский (1181-1226) и Альберт Швейцер (1875- 1965).

Знакомство с такими фигурами, как Франциск Ассизский и А. Швейцер, конечно, позволяет снять остроту обвинений против христианства, выдвинутых некоторыми современными экологами. И тем не менее какова бы ни была роль христианства в становлении современного экологического мышления, следует признать: Запад всегда уступал Востоку в осознании идеи о единстве, равноправии и взаимозависимости всего живого.

Экологическое сознание востока и запада

Еще в VIII в. до нашей эры индийская религиозная мысль запрещала лишать жизни человека и наносить вред какому-либо живому существу. В Китае и Тибете также возникли философские системы, славящие жизнь как таковую независимо от существования в ней человека. На Дальнем Востоке отношения между человеком и природой тоже отличались гармонией и взаимоуважени-ем. В дикой природе восточные мыслители чаще всего видели не прибежище злых сил, которые необходимо покорить, а некий общий символ божественности. Любопытен и тот факт, что в изобразительном искусстве Востока удельный вес природы значительно выше, чем в искусстве Запада.

Вот как писал о различиях экологического сознания Востока и Запада видный американский религиовед и философ Х. Смит: "Азия сохранила глубокое почитание природы. Разумеется, если бы китайцы и индусы вовсе не поднялись над природой, у них не было бы цивилизации. Но им удалось преодолеть природу, утверждая ее. Запад же, напротив, неизменно противопоставлял себя природе. Созданная здесь цивилизация неуклонно отстранялась от всего природного и инстинктивного".

В свете нынешней экологической ситуации на планете и описанных выше различий в западном и восточном подходах к проблеме "Человек и Природа" возникает вопрос: как быть дальше? Как нейтрализовать смертоносное для Земли наращивание человеком своей научно-технической мощи? Если многие наши экологические беды коренятся в мировоззрении и культурных ценностях Запада, одним из ответов мог бы быть и такой: для исцеления нам следует, подобно Л.Н. Толстому, А. Швейцеру и другим мыслителям, чаще обращаться к богатейшему философско-религиозному наследию Востока, взяв из него уважительное отношение к природе, что позволит если не прекратить, то по крайней мере затормозить сползание человечества к экологическому Апокалипсису.

Экологическое сознание востока и запада

Впрочем, как уже отмечалось, процесс взаимообогащения и интеграции Востока и Запада в единую человеческую культуру уже идет полным ходом.

Свидетельства тому, с одной стороны, приспособленное к местным условиям усвоение и головокружительное развитие Востоком индустриально-технологических достижений европейской и североамериканской цивилизаций, как это имеет место в Японии и во многих других странах Юго-Восточной Азии; с другой - широчайшее распространение на Западе восточных учений, школ и сект, не без влияния которых возникли типично молодежные движения: хиппи, битники и т.п. Они во многом следуют заветам Будды, который призывал людей освободиться от иллюзорного представления, будто обладание вещами ведет к счастью. Весьма популярными идеями значительного слоя западной молодежи, обеспокоенной своим будущим, становятся ненасилие, единение с природой, отказ от "благ" цивилизации и т.п. Линн Уайт по этому поводу пишет: "Наращивание научно-технической мощи не поможет нам до тех пор, пока не будет обретена новая религия (или же не пересмотрена старая). В своем увлечении дзен-буддизмом битники - подлинные революционеры нашего времени - опередили эпоху, ибо дзен в трактовке отношений людей и природы представляют собой полную противоположность христианству".

Взаимоотношение полов как проблема культурологии

Взаимоотношения полов в человеческом обществе — одна из важнейших основ культуры, во многом определяющая и ее ценностную систему, и такие фундаментальные свойства, как стабильность или нестабильность, и формы организации человеческого общежития (прежде всего тип и характер семьи), и многое другое. Сами же эти отношения носят диалектически двойственную природу, сочетая в себе чисто физиологический и социокультурный аспекты. Физиология половых отношений обеспечивает развитие рода. Даже у высших млекопитающих эта функция остается важнейшей, хотя здесь уже начинает сказываться (правда, в самой малой мере) избирательность половых контактов, что лишь отчасти обусловлено инстинктом продолжения рода: так, в большинстве случаев самка вступает в отношения с тем самцом, который победил соперника и, следовательно, сильнее и может дать более сильное потомство. Но — и это очень интересно — одной этой причиной избирательность животных объясняется не всегда и не в полной мере: у некоторых высших животных наблюдается что-то вроде человеческой семьи: прайд у львов, стадо (в сущности, большая семья) у некоторых приматов; возможно, у дельфинов и т.п. Такие структуры (назовем их «квазисоциальными») представляют, по-видимому, своего рода мостик между животными и человеком.

Собственно же человеческие формы организации половых контактов внешне очень похожи на физиологическую жизнь животных: первой, исходной формой является здесь промискуитет, то есть полная беспорядочность половых связей с отдельными и очень неустойчивыми, недолговечными проявлениями полигамии и, возможно, даже моногамии¹. Промискуитет можно считать продолжением того же «мостика» от животного к человеку, о котором мы только что говорили. Для этого момента становления человеческой культуры весьма важно то, что здесь еще не возникает новых ценностей. Продолжение рода и физиологическое удовлетворение по-прежнему составляют основное содержание половых взаимоотношений.

Взаимоотношение полов как проблема культурологии

В то же время и по тем же причинам в первобытном обществе возникает и противоположный процесс: становление антиценности. В любом обществе, в том числе и в первобытном, могут и должны возникать «оппоненты» лидирующей в данный момент фигуре — вождю, шаману и т.п. Для них культурный лидер будет ощущаться как культурная антиценность, а это категория совсем другого порядка, нежели отношение первобытного человека к волку или пещерному медведю: первое вырабатывает собственно культурные антиценности, второе принадлежит сфере цивилизации.

Исторический опыт показывает, что ведущей тенденцией половых отношений является моногамия (об исключениях из этого принципа мы скажем несколько дальше). Возникает вопрос: а почему это так? Ответ на него бесполезно искать в сфере чистой физиологии и даже зоопсихологии. С этих точек зрения моногамная семья себя не оправдывает. Для продолжения рода и защиты детенышей (как правило, самки сами могут за себя постоять) нужно, чтоб самок было намного больше, чем самцов. При недостатке самок популяция почти всегда обречена на вымирание, при недостатке самцов — вполне можно выжить и даже обладать известной стабильностью. Если рассмотреть под этим углом человеческие отношения, то, например, владелец гарема (если, конечно, он сам не страдает бесплодием) может быть вполне уверен, что его род не прекратится.

Итак, тенденцию к моногамии нельзя объяснить с точки зрения физиологии или инстинкта продолжения рода. Значит, остается только культурологическое объяснение. (Кстати, объяснить требование моногамии этическими, религиозными и т.п. императивами тоже невозможно, потому что сами они являются лишь производными от собственно культурных требований.) Сохраняя ценностный подход к культуре, естественно предположить, что моногамная семья порождает какие-то новые и важные для человека ценности, которые в иной форме половых отношений не могут возникнуть и не удерживаются, если и появляются в виде исключения. Во-первых, это, конечно, любовь — «тайна, которая велика есть» и объяснить которую мы здесь не беремся.

Взаимоотношение полов как проблема культурологии

Но есть в контакте двух лиц разного пола и другие ценности, не менее важные (а может быть, они и суть составляющие любви?), — полный контакт и взаимопонимание в интеллектуальной, эмоциональной, сексуальной жизни; потребность прежде всего не брать, а отдавать, взаимная забота, нежность, радость, надежность, уверенность... Практика показывает, что все эти ценности, резко поднимающие степень эмоционального комфорта, полнее всего реализуются в интимных отношениях при моногамии, а достижение душевного комфорта и есть цель и сущность культуры.

Разумеется, я нарисовал здесь лишь идеальный моногамный брак; на практике все гораздо сложнее. В частности, из всего сказанного выше легко понять, что новая ценность обыкновенно порождает и определенную антиценность, и моногамия здесь не исключение. В нашем случае такой антиценностью является дисгармония взаимоотношений между партнерами в моногамном браке, которая может вызываться различными причинами, но любом случае дает эмоциональный дискомфорт.

Начнем с самого простого — с ситуации неразделенной любви. Это чисто культурологическая проблема — в подавляющем большинстве случаев у животных такая ситуация отсутствует, потому что там действуют более примитивные регуляторы поведения в сходных ситуациях. Для человека же не все равно, с кем вступать в интимные отношения; объекты любовных устремлений здесь не являются взаимозаменяемыми.

Неразделенная любовь в человеческих отношениях является настолько мощной антиценностью, что способна привести человека к самым крайним последствиям, от постоянного разлада с самим собой и отказа от личного счастья

(Татьяна Ларина в «Евгении Онегине» Пушкина) до самоубийства («Страдания молодого Вертера» Гете). К тем же последствиям приводит и классический «любовный треугольник» (например, Чацкий — Софья — Молчалин в «Горе от ума» Грибоедова).

Взаимоотношение полов как проблема культурологии

Пока же рассмотрим другую проблему — соотношение частной жизни человека с системой общества в целом и его взаимосвязей с правящими структурами. Основой конфликт здесь состоит в том, что человек в своей интимной жизни должен находиться как бы «дома» («Мой дом — моя крепость»), общество же и правящие структуры всегда склонны эту ориентацию отвергать и в теории, и на практике. В самом деле, взаимоотношение полов, поиск оптимального партнера, семейная жизнь в любой ее форме, адюльтеры, мезальянсы всякого рода — дело, безусловно, личное, интимное, и решать возникающие в этой области проблемы могут только отдельные люди, отдельные личности. Это частная жизнь человека, за которую он отвечает только перед самим собой и отчасти перед некоторыми личностями из ближайшего окружения. Между тем существуют два обстоятельства, значительно ограничивающие свободу человека в этой области: это так называемое общественное мнение, нравственно регулирующее личную жизнь человека, и власть правящих структур, прямо (часто посредством закона) регламентирующая эту жизнь.

История доказывает нам, что закон и обычай управляли интимной жизнью человека с самых ранних времен. Еще в античности существовали уже запреты на некоторые типы брака, которые во всяком случае оценивались отрицательно общественным мнением. (Вообще мезальянсы осуждались практически при любой социальной системе: или в официальных законах, или в общественном мнении, или в обеих формах.) Европейское, русское, азиатское средневековье с их авторитарностью достигли, кажется, максимальной регламентации частной жизни человека (например, инквизиция, русский «Домострой», заповеди Талмуда, Шариата и т.п.

В XVIII в. в Европе и в России регламентация личных отношений на первый взгляд несколько смягчилась, и эта тенденция захватила далее XIX и XX вв. Но, по сути такое смягчение нравов можно назвать лишь поверхностным. За супружескую измену перестали рубить головы, но отношение к адюльтеру продолжало оставаться резко отрицательным и сопровождалось общественным презрением, которое нередко вынуждало человека к самоубийству (например, в пьесе Островского «Гроза»)

Взаимоотношение полов как проблема культурологии

По-прежнему гражданский брак (без венчания в церкви) не признавался таковым, а считался грехом и блудом, по-прежнему крайне затруднен был развод. Практически во всех странах христианского мира для расторжения брака единственной возможной причиной была супружеская неверность, которую надо было еще и доказать. В Англии, например, факт измены мужа (именно мужа, в противном случае жена, даже если она была инициатором развода, оставалась без всяких средств к существованию и с неизгладимо отрицательной репутацией) должен был быть подтвержден минимум двумя свидетелями. В России было еще хуже: чтобы добиться развода даже при установленном факте измены, необходимо было согласие высших церковных властей (что, естественно, требовало больших денег). Чтобы разорвать брак, люди должны были проявлять хитрость и изворотливость (см., в частности, роман Чернышевского «Что делать?» и пьесу Толстого «Живой труп»). Я уже не говорю о том, что во всех странах с авторитарным режимом и существенной ролью церкви в организации частной жизни многие формы внецерковной любви переставали быть интимным делом, поскольку требовали обязательного церковного покаяния. Тайна же исповеди — одно из жестких установлений церковного обихода — сохранялась далеко не всегда.

В XIX в. и особенно в XX в. достаточно последовательно (по крайней мере в таких странах, как Франция, Швейцария, Швеция др., в которых авторитарность явно уступила место демократии) проявляются тенденция либерализации любви и интимных отношений, освобождение их от «опеки» государства и церкви. В целом это процесс, безусловно положительный, хотя и в нем есть свои теневые стороны, о которых мы поговорим ниже. Сейчас же нас более интересуют соответствующие явления в СССР, поскольку это практически первая новая социальная система с довольно богатым опытом организации частной жизни и очень интересно посмотреть, как в ней решался вопрос об интимных отношениях и их взаимосвязи с государством.

Взаимоотношение полов как проблема культурологии

Скажем прямо, проблема эта в целом решалась далеко не идеально, но в некоторых случаях более демократично и мягко, чем на Западе. Эта сфера жизни к моменту распада СССР находилась все еще в процессе эксперимента, а поэтому содержала в себе внутренние противоречия. Так, с одной стороны, был отменен церковный брак, но зато оформление брачных отношений через загс было обязательно, и фактическое сожительство без регистрации юридически браком не считалось. Однако — и это важно — подобные отношения хотя и не поощрялись, но и не наказывались, а общественное мнение в разных случаях складывалось по-разному. Еще одна примечательная особенность советского законодательства: брак в некоторых случаях по суду мог быть официально признан и без регистрации (при ведении общего хозяйства, проживания на одной жилплощади, доказанное наличие общих детей и т.п.).

Более серьезным нарушением являлась супружеская измена, и, хотя она юридически не наказывалась, вмешательство

«общественности» здесь было, как правило, серьезным и достаточно деятельным. На измену мужа (жены) можно было пожаловаться по месту работы в партком, местком, начальству, чтобы его, как говорилось в те времена, «проработали», дали выговор за «аморалку» (аморальное поведение) и т.п. Вся эта ситуация очень точно описана в стихотворении А. Галича «Красный треугольник». Нередко от «проштрафившегося» требовали дать обещание «исправиться», то есть разорвать неофициальные интимные отношения и вернуться в семью. (Это было, пожалуй, наиболее уязвимое место в системе: человека фактически заставляли расстаться с любимым и жить с нелюбимым ради голого принципа нерушимости семейных отношений.).

Развод в принципе тоже не поощрялся общественностью, но тут все зависело от конкретного случая. Развод супругов, не имеющих детей и по обоюдному согласию, вообще никого не волновал, кроме самих супругов, их ближайших родственников и знакомых.

Взаимоотношение полов как проблема культурологии

В иных случаях развод требовал внимания общества или государства, причем его оценка в разных случаях могла быть различной: одно дело, если жена разводится с хроническим алкоголиком, и совсем другое — если ее цель состоит в приобретении имущественных ценностей.

Наши идеологические противники на Западе с особенным удовольствием издевались над подобным положением дел в СССР, и совершенно напрасно, так как регуляция брачных отношений и общественный контроль за ними осуществлялись и у них самих, хотя и в несколько иных формах. Относительно меньшую роль играло здесь государство (хотя есть и исключения), но зато куда более активно следила за интимными отношениями церковь. Роль общественного мнения примерно одинаковая и у нас, и у них. Но зато на Западе (особенно в США) существуют и иные регуляторы интимных отношений, которых у нас практически нет. До сих пор на американском Юге резко осуждается брак между белым мужчиной и черной женщиной, а чтобы белая девушка вышла замуж за негра — про такое я не читал даже у Фолкнера. Еще одна эффективная форма ограничения интимной свободы — частные сыскные агентства, которые хотя и не являются государственными органами, но все же находятся под опекой государства, которое регламентирует их деятельность в своих целях. Про сложности с разводом я говорил выше, так что, пожалуй, в этом смысле наше законодательство проще, свободнее и дешевле. Наконец, на Западе возможны такие формы ограничения свободы в личных отношениях, которые нам пока и не снились: обсуждение интимной жизни английской принцессы ведется настолько интенсивно, что собственно от интимности не остается и следа; американский президент за супружескую измену может быть подвергнут импичменту; вообще западные журналисты буквально лезут в постель к любой знаменитости и т.п. Так что от регуляции интимной жизни не свободно, по-видимому, любое общество.

Взаимоотношение полов как проблема культурологии

Но тут возникает другой, гораздо более интересный вопрос: зачем в принципе обществу и государству (какими бы они ни были) держать под контролем частную, интимную жизнь человека? С полной определенностью на этот вопрос ответить, по-видимому, нельзя, но можно выдвинуть ряд гипотез. Во-первых, общественные структуры, тяготеющие к авторитарности (некоторые типы государств, католичество, ислам), естественно, стремятся подчинить себе как общество в целом, так и жизнь отдельного человека. Для любой диктатуры принципиально важно, чтобы буквально каждый человек был подчинен ей полностью и не имел права решать самому, что хорошо и что плохо, что надо любить, а что ненавидеть. Под эту жесткую запрограммированность и регламентацию как частный случай попадают и интимно-бытовые отношения. Диктатору неважно, в какой области проявится росток свободы, она ему ненавистна в принципе; он интуитивно чувствует (а иногда и рационально осознает), что если допустить, например, свободу половых отношений, то это принципиально опасно, потому что возникнет сама идея свободы, которая вполне способна завоевывать новые позиции — от чисто бытовых до религиозных, социально-политических и т.д.

В более демократических структурах регламентация интимно-бытовой жизни уже не имеет той важности, но любая правящая структура, конечно, не откажется ни от какой дополнительной возможности воздействовать на культуру как всего общества, так и отдельного человека.

Взаимоотношение полов как проблема культурологии

Наконец, можно предположить, что внешнее ограничение интимной свободы со стороны общества и государства играет не отрицательную, а положительную роль, потому что ограничивает анархию и служит целям культурной и социальной стабилизации, ибо на чистую сознательность и хотя бы относительную моральную чистоту большей части общества пока рассчитывать не приходится. Для примера этой роли регуляции половых взаимоотношений приведем не самый очевидный, но достаточно убедительный пример: она, в частности, с большей или меньшей эффективностью препятствует распространению венерических заболеваний, что особенно очевидно в нашу эпоху, «эпоху СПИДа».

Таким образом, взаимоотношения культурных ценностей личности и общества и в этой области оказываются не такими однозначными, как это кажется на первый взгляд. Во взаимоотношении полов в XIX и XX вв. просматриваются две связанные между собой проблемы: проблема эмансипации женщины и вопрос о так называемой «свободной любви». Первая предполагает полное уравнение женщин с мужчинами в сферах общественной и личной жизни. Как известно, в первобытную эпоху был широко распространен матриархат, поскольку именно женщина обеспечивала экономическую стабильность семьи и рода - именно от нее зависело ежедневное пропитание. Однако с развитием таких источников экономического благополучия, как охота и пахотное земледелие, функция обеспечения семьи переходит практически повсеместно (где раньше, где позже) к мужчине, который благодаря этому становится главой любого человеческого сообщества: наступает очень длительная эпоха патриархата. Происходит распределение функций, и женщине остаются, по выражению немцев, «три К»: киндер, кюхе, кирхе (дети, кухня и церковь). Мужчина обеспечивал женщине внешний комфорт и стабильность, женщина следила за тем, чтобы в доме был незыблемый бытовой порядок и эмоциональный комфорт. Такое положение дел представлялось (и теперь часто представляется) вполне разумным и, так сказать, взаимовыгодным, хотя в XIX-XX вв. женщина все полнее втягивается в сферу общественного производства, а мужчина больше времени и сил отдает дому, семье.

Взаимоотношение полов как проблема культурологии

Однако, повторю, что до определенной степени исторического развития такое положение в принципе устраивало и женщину и мужчину.

Дело существенно меняется в XVIII в., с развитием капиталистического производства и буржуазных общественных отношений, между прочим еще и потому, что мужчине становится все труднее обеспечивать семью в одиночку, женщина волей-неволей выходит из сферы «трех К» и включается в экономическую общественную жизнь. В 1798 г. М. Валстонкрафт публикует одну из первых книг, ставящих проблемы женской эмансипации: «Защита женских прав», и с этих пор борьба женщин за равенство с мужчинами не прекращается до нынешнего времени, достигая максимальной остроты во второй половине XIX — начале XX в. Однако здесь важно отметить два обстоятельства, существенные для понимания именно культурологического смысла борьбы женщин за эмансипацию.

Во-первых, феминизм в XIX в. и отчасти в XX в. был присущ далеко не всем сословиям и общественным группам. В XIX в., мы можем смело сказать, он развивался лишь в среде разночинско-демократической интеллигенции, отчасти — в среде мелкой буржуазии, а потом — пролетариата. Что касается, например, России второй половины XIX в., то ни в дворянстве, ни в крестьянстве мы не увидим даже намека на это движение, что легко объяснимо. Женщина, принадлежащая к дворянству и крупной буржуазии, в идее эмансипации не нуждалась: она была максимально обеспечена, не стремилась ни к какой работе (а это — необходимое условие эмансипации), была, как правило, вполне довольна своим положением, имела прислугу и, таким образом, чувствовала себя вполне комфортно с культурологической точки зрения. Роскошь, которой окружал ее муж, делала бессмысленной борьбу за социальные права. Даже завести любовника не было для нее проблемой. Она пользовалась свободой в необходимой ей степени, а борьба за права женщин вообще была для нее чуждой и малоинтересной.

Взаимоотношение полов как проблема культурологии

Естественно, следует оговорить то обстоятельство, что я нарисовал здесь «портрет» типичной богатой семьи, а на самом деле каждая семья отличалась своими нюансами, зависящими от таких в общем-то случайных обстоятельств, как относительное превосходство воли каждого из супругов, эмоциональная чуткость, ситуации неразделенной любви и т.п., но в целом эти случайности дела не меняли и собственно на «женский вопрос» не влияли.

На другом полюсе общества — в среде крестьянства — «женский вопрос» также практически не возникал. Взаимоотношения мужчины и женщины регулировались здесь естественным разделением труда. Как правило, мужчина выполнял здесь такую работу, которая была необходима для выживания семьи, но по своей тяжести практически недоступна для женщины: пахота, сев, косьба, заготовка дров, плотницкая работа и т.п. Без такого «хозяина» в доме жизнь женщины неизбежно обращалась в каторгу. С другой стороны, мужчина тоже не мог обойтись без «хозяйки»: она обеспечивала порядок в доме, воспитывала до определенного времени детей, готовила еду, ухаживала за скотиной и т.п. Разумность крестьянского уклада не давала никакой почвы для возникновения феминистских тенденций (в России они появятся только после революции, особенно в период коллективизации, т.е. фактического упразднения векового социального уклада).

Второе обстоятельство еще важнее для понимания культурологического смысла движения женской эмансипации. До определенного момента женщины боролись за равенство с мужчинами в экономической, политической сферах, в области образования и т.п., что относится к культурологии лишь косвенно, поскольку не образует новой ценностной системы. Собственно культурологическая проблематика начинается не там, где женщины стремятся к равной с мужчинами оплате за равный труд, и не там, где они требуют политического равноправия. Культурологический смысл проблема эмансипации приобретает тогда, когда женщины задают вопрос: «А чем мы хуже мужчин?» — и любыми способами стараются доказать, что ничем не хуже, а может быть, даже и лучше.

Взаимоотношение полов как проблема культурологии

Именно здесь вызревает собственно культурологическая ценность — женское самосознание, женская свобода во всех областях жизни, равноправие ценностей, без которого эмансипированная женщина чувствует себя эмоционально-психологически дискомфортно.

Вообще-то природа или Бог создали женщин и мужчин просто различными, приспособленными к выполнению разных функций, и социальный аспект здесь мало на что влияет. Однако, не понимая этого, феминистки (и, между прочим, феминисты, ибо на защиту женских прав вставали многие мужчины — Бебель, Чернышевский, Ленин и др.) считали себя обделенными и угнетенными. Ошибочность этого представления в большинстве случаев выявлялась именно тогда, когда женщинам удавалось сравняться в правах с мужчинами — тогда неожиданно оказывалось, что нести ту же нагрузку, что несут мужчины, женщинам и неинтересно, и не полезно, и просто не под силу. Многие женщины и сейчас явно или скрыто жалеют о том, что добились эмансипации и утвердили ее как принцип социального взаимоотношения полов.

Возвращаясь к временам борьбы за женское равноправие, надо заметить, что ее культурологический смысл наиболее четко выявлялся в символических действиях и требованиях. В большинстве случаев женщине не так важен был результат реальный (например, иметь возможность выбирать президента, правительство, активно участвовать в деятельности той или иной партии и т.п.), сколько символический — иметь право все это делать. Именно поэтому для полового самоутверждения женщины довольно часто перенимали чисто мужские привычки: начинали курить, вольно разговаривать, дерзить старшим, ниспровергать авторитеты, поведовать в той или иной мере прогрессивные общественные идеи и т.п. Карикатурную, но очень точную с психологической точки зрения такую эмансипированную нигилистку нарисовал Тургенев в образе Кукшиной в «Отцах и детях».

Взаимоотношение полов как проблема культурологии

Я не хочу этим сказать, что все феминистическое движение носило чисто символический характер: многие женщины вполне серьезно стремились к совершенно реальным изменениям в социо-культурном укладе жизни, — но все-таки символический элемент имел и до сих пор имеет очень важный смысл в идее женской эмансипации. Так, например, когда английские суфражистки (т.е. крайние феминистки) стали носить брюки вместо юбки — это в движении за женскую эмансипацию был факт не меньшей культурологической значимости, чем, например, приобщение женщины к высшему образованию.

К концу нашего века в большинстве европейских стран, в США, России и (в гораздо меньшей мере) в некоторых странах «третьего мира» женщины добились полного равноправия, и это стало бесспорной культурологической ценностью, даже несмотря на то, что от многих последствий женской эмансипации женщины не выиграли ничего и даже наоборот: сильно осложнили себе жизнь, взяв на себя чисто мужские обязанности. За ними сохранились функции ведения домашнего хозяйства, воспитания детей; именно они по традиции и особенностям психологии и социологии обеспечивают домашний уют и сексуальный комфорт, но к этому добавилась еще необходимость работать и зарабатывать (в очень многих семьях без заработка женщины достаток просто немыслим). Функции же мужчины в браке практически не изменились: если он не обеспечивает в основном материальные потребности семьи, то максимум, в чем он облегчает жизнь женщины, это мытье посуды, походы за продуктами, да помощь в уборке квартиры. (Сказанное относится, конечно, к условиям городской жизни; в жизни сельской действуют пока еще несколько иные регуляторы взаимоотношений мужчины и женщины.)

Взаимоотношение полов как проблема культурологии

Все, сказанное здесь об отношениях мужчины и женщины в современном обществе, конечно, не универсально (возможны разные варианты как семейных, так и иных взаимоотношений полов), но ясно, что решение этих отношений в любом случае и любом обществе на данный момент далеки от идеальных.

Как бы ни важны были в феминистском движении политические, социальные, чисто психологические и иные аспекты, все же основой этого движения был и остается вопрос о так называемой «свободной любви», который касался и нравственности, и философии, и психологии, но в котором ведущую роль играли собственно культурологические аспекты, то есть обретение и утверждение новых ценностей. Собственно, такой принципиально новой ценностью и являлась сама свободная любовь. Весьма возможно, что сейчас далеко не все представляют, что скрывалось за этим понятием в середине XIX в. и скрывается в наше время, поэтому коротко охарактеризуем смысл и историю этой категории.

Свободная любовь соединяла в себе физиологические, социальные и нравственные аспекты, но ведущим из них, как было сказано, оставался аспект собственно культурологический, отчасти отменявший старые ценности и вводящий новые. Теория «свободной любви» впервые с наибольшей силой проявилась в России середины XIX в. Эта концепция предполагала, во-первых, отмену существовавшего тогда обязательного религиозного брака, то есть выводила интимные отношения из-под контроля церкви, а тем самым и государства. В этой связи большое развитие получил так называемый «гражданский брак», в котором мужчина и женщина жили фактически как муж с женой (имея при этом часто общих детей), но не легитимизируя свои отношения церковным «таинством брака». Уже одно это сильно меняло ценностную систему: таинство брака, его божественная сущность из ценности превращались в антиценность, и если сначала они давали человеку душевный комфорт и ощущение стабильности, то в свободной любви воспринимались как досадное ограничение свободы человека.

Взаимоотношение полов как проблема культурологии

Естественным следствием теории свободной любви оказывался свободный, ничем не регулируемый взаимообмен между сексуальными партнерами, лишь бы только он основывался на чувстве любви — отсюда реальный развод превращался из антиценности в важную ценность, в разновидность свободы. Даже находясь в официальном или фактическом браке, партнеры признавали друг за другом наряду с сохранением общих брачных отношений право завести себе любовника или любовницу — таким образом адюльтер превращался из очевидной антиценности в нечто нормальное и естественное, то есть не подлежал нравственному суду и целиком выходил из сферы культурологических (духовных) ценностей в область ценностей цивилизации (физиологических ценностей).

(Правда, в этой сфере женщины постарались обеспечить себе как больше прав, так и минимум обязанностей. Так, в романе Р. Олдингтона «Смерть героя» (действие происходит в начале XX в.) жена и муж при заключении брака оговаривают вопрос о взаимной половой свободе, но если муж честно соблюдает уговор, стараясь подавить в себе чувство ревности, когда жена открыто заводит любовника, то она этот уговор постоянно нарушает, делая совершенно невозможной измену мужа.)

Теория «свободной любви» вырабатывалась в основном в системе социалистической, а впоследствии коммунистической (примерно до 30-х гг. нашего века) идеологии и в этой же среде проходила проверку практикой. В качестве идеологов свободной любви выступали А. Бебель, Н.Г. Чернышевский, К. Цеткин, Р. Люксембург, Н.К. Крупская и др. Надо, впрочем, заметить, что далеко не все социалисты и коммунисты проповедовали свободную любовь: наиболее прозорливые из них (Ф. Энгельс, В.И. Ленин) видели в этой теории существенную опасность для стабильности будущей общественной структуры.

Вообще, в идеологии эмансипации теоретическое обоснование свободной любви всегда представляло собой очень уязвимый пункт.

Взаимоотношение полов как проблема культурологии

Буржуазная пропаганда использовала эту точку для того, чтобы запугать обывателя тем, что конечной целью социализма и коммунизма в нравственной сфере является «обобществление» не только орудий труда, материальных ценностей и т.п., но и «обобществление» женщин, затем детей и, как следствие, разрушение семьи как ценности. Эта ситуация культурологической полемики имела довольно интересное продолжение во второй половине XX в. Дело в том, что в чистом виде идеи свободной любви в СССР имели хождение лишь в период Гражданской войны, и то не столько из принципа, сколько по необходимости. В дальнейшем же регламентация половой жизни оказалась гораздо более жесткой, чем в странах Запада, где время от времени наблюдается нечто очень похожее на возвращение к промискуитету: движение «новых левых» во Франции 60-х гг., «шведская семья», формы отношений в группе сексуальных меньшинств и т.п. Правда, теперь все это переходит и к нам, но хорошо ли это, по выражению Чацкого из комедии «Горе от ума», «пустое, рабское, слепое подражанье»? По-видимому, на этот вопрос придется ответить отрицательно. Конечно, ханжество в половых вопросах, которое процветало более полувека (вспомним крылатую и печально известную фразу «У нас секса нет»), всем порядочно надоело, но это, пожалуй, единственный положительный момент в развивающейся сейчас у нас половой морали. Половая же разнузданность в России хотя и не отсутствовала вовсе, но никем не поощрялась и вообще не была свойственна ни русскому менталитету, ни русскому образу жизни.

Волна феминизма прокатилась по США, Западной Европе, России примерно с середины прошлого века до середины нынешнего и всего лишь за столетие (очень небольшой срок для истории культуры) принципиально изменила систему ценностей, связанную со взаимодействием и взаимоотношениями полов. Та картина, которую мы наблюдаем в этой области сейчас, есть прямое следствие тех культурологических тенденций, которые с успехом заменили веками державшиеся ценности на ценности иные и часто совсем противоположные.

Взаимоотношение полов как проблема культурологии

Проблема женской эмансипации исчерпала себя, так как в развитых демократических странах женщина добилась полного юридического (а очень часто и фактического) равенства с мужчиной: она и заседает в парламенте, и летает в космос, и зарабатывает в среднем не меньше мужчины, и равна ему в чисто бытовой области, и даже занимается боксом и тяжелой атлетикой (что, по субъективному мнению автора, вовсе лишнее). Кто и что выиграл от таких перемен, обогатилась или обеднела в результате ценностная система, какие культурологические последствия ждут нас в этой области — предсказать сейчас не возьмется, пожалуй, никто. Ясно лишь то, что в отношениях полов произошел принципиальный переворот и мы вступаем в новую фазу развития этой проблемы, которая потребует ответа на совершенно иные культурологические вопросы, которые пока еще не определились, но лишь вызревают. Отметим лишь общую тенденцию феминистского движения в эпоху постмодерна. Гендерные и социально-правовые аспекты феминизма ныне заметно утратили остроту, да и интерес к ним со стороны общественности постепенно угасает. На первый план выходит экофеминистская проблематика. Сторонники экофеминизма, предвещая переход общества к неоматриархату, утверждают, что мускулиная (мужская) цивилизация зашла в тупик, самым ярким проявлением которого стал экологический кризис. Вывести человечество к новым рубежам развития может-де только решительная смена ценностных ориентации с патриархальных на феминистские, которые изначально отличаются бережливым, неагрессивным подходом к миру. «Для того, чтобы могла воспрянуть наконец угнетенная женственность, — утверждают сторонники современного феминизма, — мужское начало должно принести себя в жертву, пройдя через своеобразную смерть его... Такова великая задача, во весь рост вставшая перед нашим веком: мужскому началу предстоит расстаться со своей «богопротивной дерзостью» и со своей одноплановостью, заметить наконец свою до сих пор не осознанную половину и добровольно вступить в совершенно новые, основанные на взаимопонимании и равенстве отношения с женственным началом во всех его обликах». Сумеет ли человечество прислушаться к голосу женщин, примет ли их ответ на вызов истории или будет упорствовать в верности сложившимся стереотипам поведения, покажет время